

18+

Оксана Кожемяко

Ошибки молодости

*с хорошими людьми
происходит хорошее*

РОМАН

18+

Оксана Кожемяко

**Ошибка молодости. С хорошими
людьми происходит хорошее**

«Автор»

2026

Кожемяко О.

Ошибка молодости. С хорошими людьми происходит хорошее /
О. Кожемяко — «Автор», 2026

Как известно, пути Господни неисповедимы. Европу лихорадит. Война за австрийское наследство 1740-1748 годов захватит даже Россию. Судьба свела молодых людей из разных концов Земли, разных социальных групп нечаемым образом! Круто изменила мирное течение жизни! Ввергла их в водоворот потрясающих событий, драматических и комических! И преподнесла невероятные сюрпризы! Приключения, непредсказуемые перевоплощения, неожиданная любовь. Противостояние грозному безжалостному пирату на Эгейском и Ионическом морях. Охота за сокровищами и курьёзные ситуации!

© Кожемяко О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Оксана Кожемяко

Ошибка молодости. С хорошими людьми происходит хорошее

Ошибка молодости

С хорошими людьми происходит хорошее

Глава 1

После смерти миссис Эшби отец взялся за воспитание сына весьма ретиво. Задавшись целью искоренить из отпрыска все «глупости», как-то любовь к прогулкам, театрам, музыке и чтению литературы, мистер Эшби-старший составил жёсткое расписание по коему семилетний Оливер Эшби должен был часами заниматься математикой, изучением законов и судопроизводством.

Оливер рос болезненным, слабым ребенком из-за отсутствия долгих и приятных променадов.

И вот Оливеру исполнилось девятнадцать лет. В Бристоле он работал в конторе отца, где сидел в душной маленькой комнатке, сплошь заваленной бумагами, кои полагалось перебирать, регистрировать и отсылать по назначению. Дело Эшби ширилось, и он решил, что пора отправить сына «в большое плавание». Он договорился с одной крупной компанией на Ямайке о месте для сына и удалил его за океан без лишних церемоний и прощаний, даже не смахнув скупой отцовской слезы.

Прошел ровно год с тех пор, как Оливер Эшби стал работать в Кингстоне. Справедливости ради следует заметить, что эта ссылка стала для него благом, ибо здесь он мог независимо распоряжаться и собой и своим временем. Но воспитание отца всё же оставило след на нраве юноши. Когда-то вынужденная замкнутость, скрывающая темперамент и пристрастия юноши, теперь стала его основной чертой характера. К тому же он был неразговорчив и хмур по причине заикания.

Оливер всё делал по расписанию. Вставал в одно и то же время, совершал утренний туалет, завтракал, и шёл на службу, обедал, и опять работал.

Но вечером Оливер уходил далеко от Кингстона. Когда-то юноша обнаружил симпатичный пляж, вероятно, некий романтический настрой всё же пробивался за ширму вымуштрованного характера. Он снимал башмаки и чулки и гулял босиком по остывающему песку, наслаждаясь приятным морским бризом и закатной палитрой неба. Но моря он не любил, вернее, он не любил путешествий по морю. Его одолевала морская болезнь, его пугала темная бездна и воображение рисовало ему страшных чудовищ, обитающих там.

Однообразный образ жизни наложил отпечаток и на внешность молодого человека. Оливера можно было бы назвать высоким, если бы не его сутулость, выработанная постоянным сидением в плохо освещенных помещениях. Изрядно худощавый. Его зеленые глаза казались бесцветными на его бледном, болезненном лице. Оливер не считался привлекательным, хотя черты его не были лишены гармоничности. У него был прямой нос и пухлые губы, которые

он старательно поджимал, дабы его «губастость» не придавала лицу трогательного выражения. Густые темно-русые волосы он связывал сзади в хвост, так как не любил и не носил париков.

Оливер снимал крохотную комнатку под крышей в доме вдовы Томпсон. Дамой она была шумной и деятельной. С ней жила ее дочь мисс Лора. Девушка весьма привлекательная, радующая взор румянностью щек и синевой глаз. Она очень нравилась мистеру Эшби. Но он здорово робел и не смел даже заговорить с мисс Лорой. Она же, напротив, всячески пыталась вызвать его на беседу, но не из-за того, что он ей был по вкусу, а просто, чтобы позабавиться. У мисс Лоры было множество поклонников, с которыми она вела себя весьма живо и непринужденно. Но мать, вдова Томпсон, выказывала недовольство. Она была бы не против, прояви ее жилец мистер Эшби больше настойчивости. Почтенная дама навела справки, узнав, что молодой человек имеет все шансы стать в последствии главой конторы и унаследовать от папаши недурное наследство. Но когда мать начинала говорить дочери о мистере Эшби, мисс Лора морщила носик, давая понять, что он ей не интересен.

Оливер знал, что молодая особа не испытывает к нему симпатии, и очень злился, когда вдова Томпсон делала намеки и неуместно шутила по поводу несуществующих отношений между ним и ее дочерью.

Этот день, как и все прошел скучно, безмятежно и предсказуемо. Он опять пришёл на пляж, чтобы прогуляться перед ужином. Сегодня море было беспокойным и семифунтовые волны с шумом накатывали на берег, сдирая с тёплого песка остатки дня.

Оливер окинул привычный горизонт уставшим взглядом, только на секунду обратив его на небольшую точку вдалеке. Прогулявшись еще немного, он уже повернул назад, вознамерившись обуться, и отправится в город. В этот момент очередная волна выплюнула на берег некое тело, ставшее неловко на четвереньки, а следующая волна так поддала ему под зад, что его выбросило вперед на добрых восемь футов. Тело здорово выругалось и перевернулось на спину. Оливер застыл в нерешительности, но дальше стоять и раздумывать он посчитал нелепым и осторожно подошел к тяжело дышавшему человеку.

– Я могу вам п-помочь, сэр? – Оливер наклонился над пострадавшим и тронул его за плечо.

Человек ему не ответил, хотя посмотрел на юношу и его губы расплылись в вымученной улыбке.

– Сэр, вы п-понимаете по-английски? – вдруг осенившая юношу мысль, подсказала следующий вопрос.

Незнакомец с трудом принял сидячую позу, облокотившись на руки, и посмотрел в ту же сторону, где юноша ранее видел удаляющуюся точку.

– Гарпун тебе в печёнку, чертова баба, – на чистом английском языке проговорил человек, и наконец-то обернулся к Оливеру. – ЗдравОво, приятель, ты чё спросил-то?

– Вам п-помочь? – смутившись, пробормотал юноша.

– Есть чё выпить? – выпалил незнакомец.

Юноша окончательно растерялся.

– Ну, – протянул Оливер, – у миссис Т-томпсон, наверное, найдется.

Мужчина с интересом посмотрел на юношу. Вероятно, он начал постепенно приходить в себя.

– Слышь, парень, – оглядывая Оливера, произнес он, – а эта миссис Томпсон твоя, кто?

– Это моя к-квартирная хозяйка, – начал объяснять молодой человек, – ее дом недалеко от площади.

Незнакомец хмыкнул почему-то и попытался подняться, но, похоже, он так ослаб, что после нескольких неудачных попыток, остался сидеть на песке, вперив взгляд в горизонт.

Оливер разглядывал его. Крепкого сложения: под мокрой рубашкой виднелась хорошо развитая мускулатура. Загорелый, мужчина обладал шевелюрой темно-каштановых волос, которые были связаны в косицу, даже не растрепавшуюся от долгого пути, вплавь и окладистой бородой. На вид ему было около тридцати двух-пяти лет. Над переносицей прямого носа, красовался небольшой белый шрам. Когда человек повернулся к Оливеру, то юноша заметил в мочке левого уха серьгу, сделанную из золотой монеты. В общем вид у потерпевшего крушение, как подумалось Оливеру, или еще какой напасти, был мужественный и грубый.

— Я п-понимаю, сэр, — произнес Оливер, — вам необходимо убежище?

— А ты не дурак, — хмыкнул незнакомец, — да, мне нужно скрыться. Здесь меня хорошо знают и желают видеть не для того, чтобы поставить мне чарку.

— На берегу, неподалеку есть небольшая хижина, — совершенно не понимая, почему он решил посоветовать этому человеку, проговорил Оливер. — Я п-помогу вам, мистер...

— Перси Перселл, — улыбнулся человек. — я моряк, если ты понял, и попал в переделку.

— П-пойдемте, мистер П-перселл, — протягивая ему руку, произнес Оливер. — Доберемся до хижины. Я принесу вам что-нибудь поесть и переодеться.

— И выпить не забудь захватить, — опираясь на тонкое предплечье молодого человека, напомнил моряк, изучающе разглядывая своего спасителя.

— Непременно, мистер П-перселл, — подтвердил молодой человек, и будто уловив смысл его взгляда, проронил, — не беспокойтесь, я вас не выдам.

Моряк одобрительно кивнул, и они медленно побрели в сторону указанного строения.

Глава 2

— Петька, Петька, — барыня была вне себя. — Где этот шалопут? Митюнушке уже собираться пора, а этот охламон видать по девкам шляется?

Вся дворня с ног сбилась, по приказу барыни Елизаветы Захаровны искали дворового парня Петьку-цыгана.

Елизавета Захаровна все глаза проплакала. Брат ее, дворянин Емельян Захарович Артищев, сурово поводя очами, сказал, что нечего здоровому увальню за мамкиными юбками прятаться и решил отправить его в Санкт-Петербург на морскую службу.

Дед Емельяна Захаровича, Никита Фокич Артищев служил верой и правдой во флоте царя Петра Алексеевича. Участвовал в славном Гангутском сражении¹, проявил себя героически, был целован в уста самим царем и жалован наградами и землями. При внуке Великого реформатора Петре II за симпатии к опальному светлейшему князю Меншикову был сослан в Сибирь. И мыкаться бы когда-то славному роду по сибирским деревням, да вот вспомнили при восшествии на престол Елизаветы Петровны про потомков сподвижника великого царя. Вернули поместье в Смоленской губернии, земли и награды почившего деда Никиты Фокича. Емельян Захарович сам во флоте не служил по слабости здоровья, но будучи человеком богатым, на свои деньги построил две шхуны, чем снискал великую милость царицы.

¹ Гангутское сражение — морское сражение Северной войны 1700—1721 годов, состоявшееся 27 июля (7 августа) 1714 года у мыса Гангут (полуостров Ханко, Финляндия) в Балтийском море между русским армейским флотом и шведским отрядом из 10 судов, первая в истории России морская победа русского флота. 9 августа является Днём воинской славы России — День победы в Гангутском сражении — первой в российской истории морской победы русского флота под командованием Петра Первого над шведами у мыса Гангут.

Так как своих детей не имел, а к тому времени сестра его, супруга дворянина Назарова овдовела, он взял на себя опеку над малолетним племянником Митюнушкой.

Митюнушка рос в тепле и неге до момента, пока дядя Емельян не решил сделать его достойным памяти прадеда Никиты Фокича. Он отправил его в морскую академию, но проку никакого не вышло. Молодой барин не преуспел ни в математической географии, ни в тригонометрии, ни в геометрии, ни в навигации, ни в астрономии. Хотя, великая странность, начальство академии отзывалось с восхищением о знаниях и успеваемости гардемарина Назарова. Потом то выяснилось, что за Митюнушку учился и держал экзамены его слуга Петька. самого молодого барина в академии в глаза не видывали. Митюнушка пошел в разгул, а челядинец его, понимая, что за деньги, отпущенные на образование его хозяина ему ответ держать перед Емельяном Захаровичем, надел одежду барскую и выдал себя за Дмитрия. Парень он был видный! Высокий, статный, чернявый. В бархатном кафтане, да в треуголке с перьями, чем не барин! Посещал уроки, фехтовал, лазал по мачтам, ходил по бимсам, высчитывал курс. А потом выдержал все экзамены.

Когда вернулись молодые люди в поместье все открылось неожиданно. Емельян Захарович, сам в море не выходивший, но в кораблевождении толк знающий, подловил племянника на невинном вопросе.

Семья сидела за обедом. Елизавета Захаровна наглядеться не могла на своего Митюнушку сахарного.

— Скажи-ка, мне, Дмитрий, — пробасил Емельян Захарович строго, — какие паруса поставишь, ежели шторм начнется?

Митюнушка, с аппетитом поглощающий матушкин пирог, вдруг замер. Невольно стал искать глазами Петьку. Емельян Захарович помрачнел.

— Ты что ж это, друг мой, — вскинув кустистые брови, произнёс дядя Емельян.

И вдруг до слуха его донесся шепот, как будто бы из-за двери.

«В штормовых условиях обычно уменьшают площадь парусов в соответствии с силой ветра. К штормовым парусам относят фор-стенги-стаксель, штормовой фор-стенги-стаксель, нижние марсели, зарифленный грот, грот-стенг-стаксель и зарифленную бизань».

— Не думал, друг мой, что умеешь чревом вещать, — Емельян Захарович поднялся со своего места и пошел в направлении звука.

Приоткрыв осторожно дверь, он увидел, как Петька-цыган, согнувшись и завернув ладони возле губ трубочкой, шипит в щель между косяком и полотном двери точный ответ.

— Ах, вон оно что! — Емельян Захарович вытянул Петьку за ухо из его убежища. — Так вот кто экзамен то в Академии держал!

Елизавета Захаровна руками всплеснула.

— Да, неужели, ты, поганец, пес дворовый, именем барина своего назвался? — Возмущению барыни не было предела. Она даже стала задыхаться, и ее пышная грудь будто пыталась вырваться из тесного корсажа шелковой робы. — Пороть, пороть! — Елизавета Захаровна трясла руками над головой. — Матвейка!!

На истошный зов явился здоровенный детина.

— Выпороть!! — кричала Елизавета Захаровна.

— Кого, барыня, — озадачился детина.

— Дурак! Холопа Петьку!

Выпороти тогда на конюшне парня нещадно. Петька этого не забыл. Ершистый, своенравный, а теперь еще и образованный молодой холоп был очень уязвлен.

Петька, за смуглость свою, прозванный цыганом, в семилетнем возрасте был приставлен к маленькому барину слугой. Смышленный да шустрый, должен был он укачивать барского дитятю ночью, смотреть за ним, чтобы тот не плакал. Всегда был он виноват и бит розгами.

Петька рос сиротой. Мать его, крепостная крестьянка, умерла родами. Отца отправили в рекруты. Конюх Степан Демьянович только и жалел мальчонку. То пряник ему раздобудет, то рубашонку новую справит. Сообразительный Петька сам научился читать и писать. Бредил он морем и по ночам, пробираясь в хозяйскую библиотеку, читал при огарке свечи про царя Петра, про Федора Матвеевича Апраксина и про Александра Даниловича Меншикова. Вырос Петька в статного красивого юношу, которого тяготила его холопская участь. Мысли его бунтарские о побеге становились все назойливей, и он всерьез задумывал, улучшив момент, сбежать из хозяйского дома в Кронштадт, завербоваться на какое-нибудь судно моряком.

Петьку нашли на голубятне. Устроила ему барыня очередную выволочку и велела собираться в путь.

Пока прощались с молодым барином, все бабы были, а Елизавете Захаровне даже дурно сделалось. Петька стоял в стороне и из-под серой треуголки горели недобро и решительно его черные глаза.

Емельян Захарович дал напутственное слово племяннику, передал Петьке рекомендательные письма и, погрозив холопу кулаком, прошипел:

— Смотри мне!

Глава 3

На станцию добрались уже затемно. Смотритель сказал, что лошадей поменяет утром. Барин Дмитрий Павлович был в ярости, и опять-таки попало Петьке. До Петербурга еще шесть-сот восемьдесят верст, а сил уже терпеть не находилось.

Парень сверкнул злобным взглядом. «Недолго осталось, увалень. Сейчас бы я сбежал, так ведь поймают, выпорют и в Сибирь. Не видать мне Кронштадта тогда, как своих ушей».

Натерпелся Петька за свои двадцать два года. Емельян Захарович хозяин был не свирепый, конечно, но провинностей с рук не спускал. На конюшне пороли крестьян люто. Но Емельян-то Захарович не так страшен. Как барин он был суровый, но справедливый, никогда в сердцах не наказывал, всегда разбирался. А вот сестрица его Елизавета Захаровна, та стерва невозможная. Сколько девок она велела запороть, как показалось ей, что «строят глазки» ее сыночку. Любительница охоты и борзых, заставляла молодых крестьянских матерей вскармливать грудью щенков. Тех, кто противился – под кнут.

На беду Петькину, вспылала вожделием к нему барыня-волочайка². Виду Елизавета Захаровна слыла восхитительного: серые с поволокой глаза ее томно взирали из-под густых ресниц, алые губы манили порочной пухлостью, арбузные груди выпирали из декольте робы³ пышной сдобой.

Петька-цыган, до поры худой чумазый мальчишка, стал входить в возраст. Сложением своим – чистый Аполлон, черты лица его восхищали мужественной гармонией, от взгляда Петь-

² Волочайка – распутница, блудница, мессалина, потаскунья, потаскуха, шлюха; растлительница.

³ Роба – В течение большей части XVIII века, вплоть до 1790-х годов, женщины высших сословий носили преимущественно широкие платья (робы) с пышными юбками на физгмах. Крой, отделка, качество ткани, цвет и рисунок различались в зависимости от обеспеченности и социального статуса дамы, а также модных тенденций конкретного периода. Существовали два основных типа платья – закрытое и распахнутое; которые, в свою очередь, существовали в разных фасонах и вариациях.

киных черных глаз по коже струились ручейки теплой истомы. Елизавета Захаровна, грозная помещица, «поплыла». Одним жарким июльским днем не пошла она подремать в тени, знала, что на реке Петька-цыган купает лошадей. Юноша выводил своего любимца, рыжего дончака, на берег, похлопывая жеребца по мокрой сильной шее и целуя его в морду, сам как есть, как в момент Сотворения. Нагнулся было за портками своими да рубахой, увидел перед носом шелковую юбку. Петька выпрямился, прикрыв срам руками.

— Что же ты, Петенька, бегаешь-то от меня? — улыбалась барыня, наматывая на руку Петькину одежду. — Второго дня же послала Фимку, сказать, что приду к тебе на сеновал, как стемнеет. А тебя не застала. Как же так?

— Простите, Елизавета Захаровна, — потупился Петька, от досады заходили желваки, — работы много было, умаялся, заснул в деннике⁴.

Елизавета Захаровна по лисьи прошла вокруг Петьки, «лапая» его взглядом:

— Ладный ты какой, Петенька, ох, ладный! — барыня подошла к нему вплотную, запустила пятерню в Петькину шевелюру. Наслаждаясь густотой его черных кудрей, нежно вздохнула их. — Неужто я тебе не по нраву?

Петька промолчал. Слишком приторна, бесстыдна! Его замутило.

Вдруг голос Елизаветы Захаровны потерял вкрадчивость, пальцы ее больно дернули юношу за волосы:

— Смотри, холоп, с огнем играешь! Придешь сегодня ко мне в опочивальню! Да, помойся, конюшней от тебя разит! — барыня бросила одежду в лицо Петьки.

Вечерело, в окне спальни барыни зазывно горела свеча, а милый друг не шел. Сидел любовник на берегу реки, в раздражении и досаде швырял камушки в воду. Не пошел Петька, и подписал себе приговор на немилость господскую. Что бы не сделал, всегда был в виноватых. Вся спина исполосована от ударов батогами да кнутом.

А однажды приехала с визитом подруга Елизаветы Захаровны, помещица вдова Евдокия Ильинична Дурнова. Дебелая да рябая. Как увидела она ладного дворового паренька, так и заходила ее мощная грудь от волнения скверного. Отослала на ночь барыня в злорадстве челядинца в опочивальню Дурновой, да только непьющий Петька набрался самогону и валялся на конюшне в беспамятстве. Всыпали ему тогда сто плетей, после чего метался в горячке он в господском госпитале неделю.

Емельян Захарович, тот охоч был до девок и устраивал он в бане по субботам вроде античных развлечений. Баню он выстроил под стать римских терм, где желал он видеть сцены из жизни древних императоров. Петро для него был незаменим с его знанием латинского языка, (гувернеры-то учили Митюнушку, но, как всегда, вместо барского сыночка науку познал его слуга). Вот в одну из таких суббот и лишился Петька невинности.

Помимо совместных шалостей, нашел барин в молодце и незаменимого помощника в делах корабельных. Вместо племянника, на которого Емельян Захарович возлагал надежды, стал ему опорой холоп Петька-цыган.

Емельян Захарович в глубине души ценил смысленыша, даже думал дать парню вольную, да все как-то недосуг было. Так и остался до сего дня Петька крепостным при молодом барине.

В трактире на постоялом дворе кроме барина со слугой никого не было. Дмитрий заправлялся жареной свининой и пивом. Тучный немец, хозяин трактира, только и успевал подносить кувшины с пенным напитком.

⁴ Денник - отдельное просторное стойло для крупного домашнего скота, чаще — для верховых лошадей в конюшне.

— Вам бы остановиться, Дмитрий Павлович, — произнес Петька с ненавистью, — опять животом маяться будете.

— Молчи, дурак, — вытирая жирные алые губы, рявкнул Митюнушка, — учить меня будешь?

Петька горько хмыкнул. Опять всю ночь с ним возиться!

В трактир зашли новые посетители. Мужчина средних лет, плотного сложения, обстукивал с ботфорт грязь. Он держал в одной руке треуголку, а другой расстегивал тяжелый дорожный плащ. С ним была девушка лет восемнадцати. Она метнула быстрый взгляд на Петьку и его барина. Петька тоже посмотрел на нее и сразу отметил про себя, что серые глаза у девушки под красиво изогнутыми черными бровями, внешними уголками поддернутые к вискам. Ее черты не отличались гармоничностью. Нос – картошечкой, губы полные и немного бледные, обветренные. Девушка сняла капюшон плаща и на высокую грудь ее упала толстая коса цвета миндаля.

Когда новые посетители уселись за стол, хозяин трактира подошел к ним. Они что-то заказали и продолжили беседу, которая была прервана перед входом в заведение.

Петька ловил себя на желании вновь посмотреть на девушку. Она улыбалась мужчине за столом, показывая ровные белые зубки. При взгляде на нее, в Петькиной душе будто бы загорался теплый огонек. Эта пара создавала впечатление непонятного доселе ему душевного

уюта, чистоты и доброты. Ему безумно захотелось подойти к ним, но перед ним чавкал Дмитрий Павлович, требуя к себе внимания. Петьке стало стыдно. Стыдно за свое холопское положение, за своего барина и даже за этот грязный трактир. Он опустил глаза и первый раз в жизни ему захотелось заплакать.

Барин, икая, тяжело поднялся из-за стола.

— Будешь спать на конюшне, — зевнул Дмитрий Павлович, — да не забудь насчет лошадей распорядиться.

После того как барин улегся спать, Петька вышел на воздух. Он поднял глаза к небу и тяжело вздохнул.

— Воображаю, каково это, быть в неволе у такого барина, — он услышал приятный женский голос справа.

Девушка стояла в нескольких шагах от него и тоже смотрела на звездное небо.

— Уж лучше не воображать, — ответил ей Петька.

Незнакомка без страха подошла к нему и, к его удивлению, протянула ему руку.

— Меня зовут Ксения Егоровна, — она улыбнулась на его нескрываемое замешательство.
— А вас как?

— Петь..., Петром, — проронил он, все еще не придя в себя.

— А по отчеству?

— Алексеевичем, — ответил совсем растерявшийся Петька. И вдруг он спохватился. — А вас батюшка не заругает, за то, что вы с холопом разговариваете?

Ксения Егоровна засмеялась. У нее был звонкий заразительный смех.

— Бросьте, Петр Алексеевич, вы же все понимаете. — Девушка посмотрела на него, и улыбка исчезла с ее уст. — Батюшка считает, что рабство - ужасное явление, бесчеловечное и отвратительное.

— А у вашего батюшки много душ? — буркнул Петька.

Ксения Егоровна покачала головой:

— У нас нет крепостных. У нас слуги свободные, получающие жалованье.

— Вот как! А кто же ваш батюшка, Ксения Егоровна?

— Егор Иванович Давыдов, он архитектор и механик. Мы возвращаемся из Смоленска. Там у батюшки был заказ. Мы едем в Санкт-Петербург. В Университете ему предложили место.

Действительно, эта маленькая семья как будто была из другой жизни. Петька промолчал и опять посмотрел на звезды.

— А ведь вы образованный человек, Петр Алексеевич! — лукаво произнесла Ксения Егоровна. — Хотя вы пытаетесь это скрыть.

— А толку-то в том образовании! Скорби больше! — вздохнул Петька.

— Не грустите, Петр Алексеевич! — девушка улыбнулась. — Мне кажется, что у вас все будет хорошо. Вот увидите!

Петька не знал, что сказать. С ним никто и никогда не вел таких бесед. Разве только, что дядька Степан его гладил по голове, вздыхал да молился.

— Я слышал, что смотритель вам лошадей не дает, — ему захотелось сделать для этих людей что-нибудь доброе, — вы можете ехать с нами. Нам же по пути. Завтра я поговорю с баринком.

— Благодарю вас! Как здорово! Ведь батюшка очень торопится! — Ксения Егоровна сияла. — Я обещаю, что у вас все будет замечательно, Петр Алексеевич! С хорошими людьми должно происходить хорошее!

Девушка пожала руку Петру.

— Ксенюшка, — услышали молодые люди, — спать пора!

— Уже иду, — откликнулась Ксения Егоровна.

Через полчаса, на конюшне, Петька, зарывшись в сено, уже начинал засыпать. Мрачные мысли отпустили его. Перед глазами стояло милое лицо Ксении Егоровны, а в душе звучал ее залиvistый, как колокольчик смех.

Глава 4

Оливер проснулся как обычно. Голова страшно болела и совсем не хотелось идти на службу. Соблазн послать Джека, мальчишку, служившего у миссис Томпсон, в контору, предупредить о том, что он занемог, достиг невероятной силы. К тому же Оливер был озадачен. Три дня он опекал моряка Перселла, носил ему еду, выпивку и табак. Вчера, в обычное время Оливер с очередной порцией рома и снеди, отправился в одинокую хижину на берегу. Каково было его удивление, когда своего подопечного он не обнаружил.

Оливер прошелся по пляжу, но никаких следов исчезнувшего моряка не нашел.

Молодой человек оставил в хижине на всякий случай узелок с продуктами и отправился домой ужинать.

Оливер лежал и думал о моряке. Нет, на службу идти надо, иначе сведения дойдут до отца и быть неприятному письму из Бристоля с долгими нравоучениями и обещаниями оставить Оливера без гроша.

После того, как молодой Эшби совершил утренний туалет и собрался спуститься вниз к завтраку, в дверь постучали.

На пороге с подносом стояла сама миссис Томпсон. Мистер Эшби удивился, но молча пропустил женщину в комнату. Он заметил, что лицо его квартирной хозяйки напряжено. Оливер подумал, возможно, женщину обуревают гнев.

— Доброе утро, миссис Томпсон, — учтиво приветствовал он хозяйку. — Вы здоровы?

— Да, да, мистер Эшби, — рассеянно произнесла она, накрывая маленький столик у окна.

Время от времени, миссис Томпсон бросала изучающие взгляды на своего постояльца, будто хотела что-то спросить. Вдруг она выпрямилась и решительно посмотрела на Оливера.

— Скажите, мистер Эшби, — произнесла хозяйка, как показалось Оливеру, с вызовом, — вам нравится моя дочь?

Мистер Эшби сначала опешил, но потом рассердился, он не любил вопросов такого рода, прямых и категоричных.

— Миссис Т-томпсон, — начал он. От волнения он стал заикаться даже на тех буквах, которые раньше не вызывали у него затруднений. — В-вы не находите, этот вопрос не с-совсем де-де-деликатен?

— О! Мистер Эшби! — вдруг простионала она. — Мне не до деликатностей! Моя дочка Лора попала в беду! Господи, хорошо, что ее отец не дождал до такого позора!

— Что случилось с мисс Лорой? — забеспокоился Оливер.

Миссис Томпсон странно посмотрела на молодого человека.

— Она забеременела, мистер Эшби, — и по еще щекам побежали слезы, — негодная девчонка доигралась. Я избила ее сегодня. Как мне быть? Это такой позор! Что скажет преподобный Джон Пейс? Боже, боже!

Оливер стоял и смотрел разыгранный спектакль, совершенно не понимая его значения.

— Миссис Т-томпсон, — Оливер взял себя в руки, — но я решительно не понимаю, чем я-то могу помочь?

— О, мистер Эшби, — вытирая лживые слезы, произнесла хозяйка, — вы такой благородный джентльмен, такой добрый и великодушный...

Здесь Оливер почувствовал неладное.

— Вы можете спасти от позора мою дочь, женившись на ней! — миссис Томпсон схватила его за руки, — не беспокойтесь, Лора будет вам хорошей женой, она освоила урок, сэр!

— П-послушайте, миссис Т-томпсон, — от негодования Оливер стал заикаться на каждом слове, — это п-просто не-не-неслыханно! В-вы хотите, чтобы я женился на женщине, к-которая сама не ведаёт от к-кого она за-за-забеременела? Мне мисс Лора н-н-нравилась, но не более того. А жениться на ней, чтобы п-п-прикрыть её грех, это чересчур!

Взгляд почтенной женщины стал злым. Она отпустила руки Оливера и несколько раз с силой прошлась руками по переднику своему, будто что-то отряхивала.

— Что ж, мистер Эшби, видит Бог, я хотела все сделать по-хорошему! — и она вышла из его комнатенки, сильно хлопнув дверью.

К вечеру ветер усилился. Бедный Оливер Эшби, наскоро собравшись, с вещевым мешком за спиной со страхом и растерянностью пытался разглядеть в темноте шхуну, которая отплыла сегодня в Англию. Его душила такая злоба и обида, что впервые в жизни он шел и разговаривал сам с собой вслух. «Что же это т-такое? Где ж это в-видано, ч-ч-что бы невинного человека обвинять в ч-ч-черт знает в чем? Какая же все-таки хитрая и изворотливая д-д-дама? К-к-как я теперь с отцом объясняться буду! И я хорош, бестолочь!» Чем он хорош как бестолочь, Оливер уже не договорил. Наконец, он увидел кормовые огни шхуны «Королева Анна». По вантам карабкались моряки, был слышен звук боцманской дудки. Готовились к отплытию!

Оливер ступил на борт. Оглядевшись, он поднялся на мостик, где стоял капитан.

— Капитан Г-г-уд? — обратился он к низенькому, упитанному джентльмену, который басом раздавал команды, нервно перекладывая трубку с одной стороны рта в другую.

Моряк смерил Оливера свирепым взглядом.

— Я пассажиров не беру! — рявкнул он.

— Капитан, — не думая отступить, произнес мистер Эшби, — я за-заплачу вам любую сумму, к-к-которую вы запросите и...

— Капитан, возьми паренька! — Оливер с удивлением услышал знакомый голос. Он обернулся в сторону своего заступника и увидел Перси Перселла. — Возьму его помощником.

Капитан прищурился и пыхнул трубкой.

— Он тоже плотник? — недоверчиво оглядывая Оливера, наконец, произнес капитан.

— Да, — соврал Перси, — плотник.

— Ладно, Перси, — согласился капитан, — уведи его со шканцев, чтоб под ногами не путался!

Перселл и Оливер спустились в мастерскую корабельного плотника. Перселл прошел первым, повесил фонарь на крюк и повернулся к своему гостю.

— Чувствую, мистер Эшби, — улыбнулся моряк, — теперь вы попали в переделку. Проворовались?

Оливер в изнеможении уселся на узкую скамейку вдоль стены.

— Если бы, мистер П-п-перселл, — он горько усмехнулся. — Меня обвиняют в изнасиловании дочери моей к-к-квартирной хозяйки.

Перселл присвистнул.

— Да, уж, парень, — протянул он, — а с виду и не скажешь!

— П-п-перестаньте, мистер П-п-перселл, — Оливер пошарил глазами по мастерской. — Есть ли у ва-вас что-нибудь выпить?

— Найдем, — выставя на верстак полную бутылку рома, сказал моряк. — Ну, рассказывай!

Он разлил крепкий напиток по кружкам. Оливер долго смотрел в свой сосуд и, потом залпом опрокинув его в себя, задохнулся. Моряк прыснул и похлопал парня по спине.

— С непривычки! — он продолжал стучать Оливера.

— Мисс Лора, — откашлявшись и глубоко, но порывисто вздохнув, начал свой рассказ мистер Эшби, — никогда не п-п-проявляла ко мне интереса. Не скрою, что она мне нравилась, но около нее вечно вились какие-то п-п-поклонники. Я думал, она просто флиртует с ними, но как выяснилось, что не только. Видите ли, мистер П-п-перселл, после смерти отца я унаследую и торговую фирму, и к-к-контору, и дом в Бристоле.

— Да ты завидный жених, — хохотнул Перселл, снова разливая ром по кружкам.

— И это стало известно моей к-к-квартирной хозяйке. — Тяжело вздохнув проговорил Оливер, выпил. — Сегодня утром, она заявила ко мне в комнату и п-п-потребовала, чтобы я женился на ее дочери, которая забеременела. Когда я отказался, миссис Томпсон стала угрожать мне, но, честно говоря, не п-п-придал этому значения. Ведь я почти не разговаривал с мисс Лорой. А вечером, когда я уже г-готовился к-ко сну, я услышал, как миссис Томпсон, фальшиво рыдая, говорила со с-священником и умоляла его призвать меня к ответу за то, что я обесчестил ее дочь. Я не стал ждать и решил убраться в Англию. — Подытожил Оливер и выпил.

— Ну, после твоего побега, уж точно все поверят в твою виновность, дружище, — покачал головой Перселл. — Да, скверная история. У нас такое правосудие, что, если кому понадобится, может и Святого духа обвинить в изнасиловании девы Марии.

— Что мне теперь делать, мистер Перселл, — сокрушенно качая головой, простонал Оливер, — когда дойдет до отца, вряд ли он поверит мне.

— Кстати, парень, — моряк улыбнулся, — захмелев, ты заикаться перестал. Ладно! — Перселл стукнул ладонью по верстаку, — спать ложись. Завтра решим!

Глава 5

Путь до Санкт-Петербурга теперь пошел бодрей. Хотя Петька, ехавший верхом рядом с каретой барина, испытывал смешанные чувства. Ему было отрадно каждый день видеть лицо Ксении Егоровны и ловить на себе ее взгляды украдкой. С другой стороны, ужасное и бесцеремонное обращение барина с холопом било по самолюбию Петьки, и он еле сдерживался, когда подвергался очередной порции ругани Дмитрия Павловича при Давыдовых. Но Ксения Егоровна однажды не сдержалась. Они сидели за ужином у станционного смотрителя.

— Как вы можете, Дмитрий Павлович, так разговаривать с человеком, который вам служит? — Ее щеки горели от негодования. — Вы пользуетесь своим положением хозяина, зная, что он не может вам ответить.

Дмитрий Павлович опешил. Он вырос с уверенностью, что крепостные не лучше домашнего скота и укор со стороны молодой особы прозвучал для него как оскорбление. По правде говоря, Ксения Егоровна очень понравилась ему. Он вспомнил уроки политеса и был галантен как никогда. Но теперь, услышав упрек из уст предмета своих симпатий, вдруг растерялся.

— Помилуйте, Ксения Егоровна, — выпучив глаза, протянул Дмитрий Павлович, — Холоп иного и не заслуживает. Характер у него скверный, да и нерасторопен.

В разговор поспешил вмешаться Егор Иванович, зная горячий нрав своей дочери, и опасаясь, как-бы Ксенюшка, которой был очень неприятен молодой барин, не высказала своего омерзения вслух.

— Ксенюшка, боюсь, что мы не можем указывать Дмитрию Павловичу, как ему обращаться... — и тут Егор Иванович запнулся. Он увидел взгляд Петьки, стоящего за стулом барина. Его черные глаза горели и во взгляде этом виделись и горечь, и ненависть, и вызов.

— «...как ему обращаться с имуществом...», — промолвил Петро вполголоса и потупился.

Дмитрий Павлович захохотал.

— Вот видите, Ксения Егоровна, — изрек он торжественно, — холоп знает свое место.

Барышня посмотрела на Петьку, потом встав из-за стола, произнесла:

— Простите, я устала, — пробормотала Ксения Егоровна. — Пойду, прогуляюсь.

— Да ведь, темно уже, — удивился Дмитрий Павлович, — Я провожу вас.

Ксения Егоровна усмехнулась.

— Вы так галантны, Дмитрий Павлович, — выпалила она с нескрываемой иронией, — но позвольте мне побыть одной. У меня разболелась голова.

Она поспешно вышла.

Вечер стоял замечательный. Весна входила в свои права. Уже воздух наполнился запахами просыпающихся от зимней спячки деревьев, дороги высохли и сквозь прошлогоднюю прелую листву пробивалась изумрудная трава.

Ксения Егоровна прошлась немного дальше постоянного двора. Горизонт багрянцем своим радовал взор. Девушка дала волю слезам.

«Что ж это такое?» - говорила она тихо. — «Так душа ноет, сердце разрывается. Скорее уже бы Петербург».

Так она стояла и плакала. Вдруг кто-то положил на ее плечи шаль. Она обернулась и увидела отца. Девушка опустила голову ему на грудь и разрыдалась.

— Что ж, доченька-лапушка! — проговорил он ласково, глядя ее по голове. — Больно тебе, милая, знаю! Хотел бы тебя оградить от этой мерзости, да куда ж податься! Пойдем-ка, лучше спать. Завтра засветло поедем. Уже немного осталось.

В Петербурге они расстались на Миллионной улице. Багаж у Давыдовых был невелик, и Егор Иванович сказал, что они до дому доберутся сами.

Дмитрий Павлович раскланялся и выразил надежду на скорую встречу и добрую дружбу. Петька спешился и стоял вдалеке, поглаживая добрую морду своего коня.

Ксения Егоровна, дождавшись, когда барин сядет в карету, подошла к Петьке и сунула ему в руку записку, не говоря ни слова.

Петька хотел сказать что-нибудь, но слова не шли. Егор Иванович стал прощаться и пожал Петру руку.

— Благодарю вас, Петр Алексеевич за содействие, — он улыбнулся, и его глаза превратились в забавные щелочки. — Если бы не вы, одному Богу известно, когда бы мы в Петербург попали.

— Не стоит благодарности, барин, — отрезал Петька и вскочил на коня, — хозяин мной доволен, да и будет.

Глава 6

Оливер проснулся от приступа тошноты. Накануне он переусердствовал с ромом, да еще эта невыносимая качка. Он оглядел плотницкую. Рвота уже была на подходе. Увидев деревян-

ное ведро, он быстро схватил его. Когда первый приступ прошел, Оливер только теперь услышал, что наверху происходит что-то неладное. Лязг металла, выстрелы, крики! Очевидно, на палубе шел бой. К горлу опять подкатила тошнота.

Вдруг все стихло. Качка убивала мистера Эшби, он обнял ведро и прислушался. Тишина на корабле уже начинала действовать на нервы. Оливер, почувствовал, что тошнота немного отступила и он, отставив ведро решил рискнуть и подняться на верхнюю палубу.

Не успел он открыть дверь каюты, как был схвачен чьими-то ручищами. Его выволокли на палубу. Солнечный свет больно резанул по глазам.

На палубе творился ад. Стонали раненые, лежали изуродованные тела убитых моряков, доски шкафута были залиты кровью, порванные паруса и такелаж полоскали на ветру. Команда «Королевы Анны» или вернее все, что от нее осталось, стояла вдоль правого борта, мрачно поглядывая на высокую крупную женщину в мужском платье. Она курила трубку и молчала. Вдруг взор ее оживился.

— Господи! — она выхватила взглядом знакомое лицо, — Перси, ты ли это?

Из кучки моряков выступил Перси Перселл. Он сделал вид, будто бы только увидел пиратку.

— Ба, Грейси, дорогая! — он распахнул объятия, — не думал, что встречу тебя так скоро! Приди ко мне, моя любовь, я так соскучился!

— Любиться будем потом, Перси, — недобро улыбнулась пиратка. — Ты нашел мое золото? Ведь я тебя отправила искать мое золото, которое ты у меня украл. Забыл?

— Какое золото, милая? — округлил глаза знакомец Оливера.

— Послушай, не строй из себя полоумного, — весело произнесла Грейс, — Я вышвырнула тебя за борт у берегов Ямайки, как ты помнишь. Ты сказал, что положил мои деньги в банк в Кингстоне. Ну? Я жду.

— Милая, давай не будем устраивать семейные ссоры при посторонних. — Он зазывно мотнул головой. — И я расскажу после порции нежностей, тебе, моя булочка, что стало с нашим семейным бюджетом.

Пиратка хмыкнула.

— Ладно, выбери из этих, — она кивнула на потрепанных матросов «Королевы Анны», — кого пошустрей да посмекалистей в команду к нам.

Оливер опешил.

— А что будет с остальными? — выкрикнул он и пожалел, потому что к горлу подкатила рвота. Он подбежал к борту и повис на леерах.

Пиратка вопросительно посмотрела на Перселла. Перси пожал плечами.

— Вот его можно взять, — небрежно сказал он.

— Этого доходягу? — Грейс была удивлена. — Поступай, как знаешь. Я на «Изумруд»

Пиратка подошла к трапу и стала спускаться в шлюпку.

На шхуне «Изумруд» царил аврал. Капитан стояла на мостике и курила трубку. Звали ее Грейс Моран и шел ей двадцать восьмой год. Биография Грейс, переполненная трагическими и под час ужасными событиями, могла стать материалом для интересного повествования. Еще в пятнадцатилетнем возрасте ей пришлось пережить и изгнание с собственных земель семьи Моран, и голод, и потерю близких, и рабство, и надругательство.

Будучи совсем юной, ее продали на Барбадос. Хорошенькую ирландку заметил один из плантаторов. Он купил ее за три фунта и пообещал не отправлять на плантацию, если она согласится доставлять ему каждую ночь удовольствия. Грейс отказалась в самой грубой форме.

Она ударила его. Мерзкий старик, в отместку отдал ее на «растерзание» надсмотрщикам. Но девушку не так было просто сломать. Она сбежала.

Грейс под видом парня, нанялась на английское судно матросом.

Год одиссеи отважной девушки выдался спокойным, пока она не встретила Перси Перселла. Он ей понравился своим веселым нравом, беспашабишностью и умением ввязываться в интересные и выгодные авантюры. Они поженились, реквизирировали шхуну и стали пиратствовать вместе. Время от времени они ссорились, но победительницей из всех склок всегда выходила Грейс.

И вот в очередной раз семья восстановилась. Шхуна «Изумруд» шла мягко, будто скользила по льду и бедный Оливер, который уже сидел в кают-компании корабля Грейс, чувствовал себя значительно лучше.

Когда супруги, наконец, выяснили свои денежные отношения, мистер Эшби решил осведомиться, что они намерены делать с ним.

— Олли, — обнимая стан супруги и попыхиная трубкой, произнес Перселл, — давай начистоту! На Ямайке тебя ждет виселица за изнасилование, которого ты не совершал – раз! В Бристоле ждет папаша, который тебя лишит наследства, потому что ты не довел его дел до конца в Кингстоне, да еще впутался в историю - два! — Перси улыбнулся во всю ширь своего рта, — делай выводы, сынок!

— Вы предлагаете мне стать пиратом? — Оливер произнес это сокрушенно и в то же время смиренно.

— Я всегда знал, что ты умный парень!

Оливер посмотрел в кормовое окно. Действительно, как-то вышло все нелепо. Он пожал плечами и произнес:

— Хорошо! Но ром я больше пить не буду!

Глава 7

Ксении Егоровне не спалось. Выдался суетный день. Как привезли оставшийся багаж из Смоленска, в доме царил ужасный беспорядок. Вдвоем со служанкой Феклой Ксения Егоровна мыла окна, натирала полы и протапливала комнаты целый день. К вечеру их с отцом маленький домик на Аптекарской улице приобрел вполне уютный вид, хотя чуланчик еще был завален неразобранными книгами. Ксения Егоровна просто падала с ног, но сон теперь не шел.

Апрельский день в Петербурге выдался пасмурным, и уже к вечеру сначала посыпалась ледяная крупа, но потом пушистые белые хлопья медленно и уютно стали укладываться на мокрые улицы города.

Ксения Егоровна села у окна и положив голову на руки, задумалась. Мысли ее были о Петре Алексеевиче. Ее сердце сжималось при воспоминании о нем. Какие же он должен испытывать душевные муки, когда, будучи умным и образованным человеком вынужден влачить существование раба. Перед собой Ксения Егоровна была честна. Ей хотелось увидеть его еще раз и говорить с ним. В каком-то непонятном ей самой порыве, девушка тогда наскоро написала на клочке бумаги их с отцом адрес и сунула Петру Алексеевичу в руки на прощанье. Для чего? Он не может по своей воли прийти к ним.

В гостиной старые часы оповестили о глубокой ночи. Ксения Егоровна встрепенулась. Ей показалось, что в парадную дверь кто-то робко постучал. Она прислушалась. Нет, не показалось! Стучат. Девушка соскочила и миготм спустилась на первый этаж. Приоткрыв дверь, Ксения Егоровна обмерла. На пороге стоял Петька. Без шляпы и кафтана, в сорочке и камзоле, он весь промок и дрожал от холода.

Без слов она пустила его в дом и быстро, чтобы не разбудить Феклу и старого Евсея, провела его на кухню. В очаге еще теплились угли, и Ксения Егоровна кинула несколько поленьев в камин, которые стали медленно разгораться.

— Боже, Петр Алексеевич, — она засуетилась, потрогала чайник на очаге. Он был горячим, — вы же простудитесь!

У Петьки зуб на зуб не попадал, когда он попытался что-нибудь сказать. Ксения Егоровна метнулась к двери кухни.

— Подождите! — кинула она на ходу и исчезла.

Вскоре девушка вернулась с одеялом, сухой сорочкой и кюлотами.

— Вам нужно переодеться, Петр Алексеевич, — как-то смущенно сунув ему одежду, произнесла она.

Петька дрожал, а замершие руки совсем не желали его слушаться. Ксения Егоровна отвернулась к очагу и возилась с приготовлением чая. Не поворачиваясь, она спросила:

— Вы переоделись, Петр Алексеевич?

— Д-д-да! — наконец смог выговорить он. — Б-б-благодарю в-вас!

Ксения Егоровна усадила его на стул и по-матерински укутала в одеяло.

Потом она дала ему в руки большую глиняную кружку с душистым и горячим чаем. Напиток источал приятный аромат мяты и меда.

— Пейте, — проговорила она тихо, — сейчас вам главное согреться. Потом все расскажете, Петр Алексеевич. Надеюсь, мы никого не разбудили.

Петька кивнул, с наслаждением отхлебывая горячий чай. Он начал согреваться и щеки его горели.

— А я уже и не сплю! Да и Феклу вы разбудили, но я ее обратно спать отправил.

Молодые люди обернулись и увидели на пороге кухни Егора Ивановича. Он зевал и завязывал пояс бархатного халата, его коротко стриженные, начинающие седесть, волосы смешно торчали в разные стороны из-под ночного колпака.

— Батюшка! — кинулась к нему Ксения Егоровна. — прости!

Девушка не знала, что и сказать. Петька было привстал, но Егор Иванович, кряхтя, прошел мимо молодого человека, нажал ему на плечо, усадив обратно.

— Налей-ка и мне чайку, дочка, — устраиваясь на табурете напротив ночного гостя, произнес Егор Иванович.

Ксения Егоровна засуетилась и вскоре Егор Иванович, шумно дую на горячую кружку, прихлебывал чай.

— Ну-с, молодой человек, — он изучающе посмотрел на Петра, — поведайте нам, что случилось? Ксенюшка, проверь ставни, голубушка, чтобы щелей ненароком не было.

— Простите меня, Егор Иванович, что в дом к вам вломился. Мне в Петербурге и податься некуда.

— Адрес-то узнали откуда? — хозяин хитро посмотрел на дочь, и увидев, как Ксения потупилась и покраснела, хмыкнул. — Ну, да ладно. Я слушаю вас, Петр Алексеевич.

Петька вздохнул и поежился.

— Нам с барином утром в Адмиралтейство, а он за горькую и за карты сел. — Петр помолчал немного, кутаясь в одеяло. — Проиграл он изрядно. И стал ко мне приставать, чтобы я деньги ему отдал, которые мне Емельян Захарович доверил. Я отказался, конечно. Барин в крик да за плетень. Я его руку удержал. Он даже с лица сошел от такого. Поносить стал всяко, ну я его и ударил...два зуба ему выбил...деньги ему в физиономию кинул, а потом как был, я и выбежал на улицу. Сам не знаю, как это получилось, но уже мОчи нет терпеть его издевательства.

Егор Иванович допил чай и прокашлялся.

— Да уж, молодой человек, — проговорил он задумчиво, — дело скверное. Тайной канцелярией может закончиться.

Ксения Егоровна ахнула, поднеся руку ко рту. Петька понурился. Он сам понимал серьезность своего положения. Все, о чем он мечтал, теперь стало для него недостижимым: и Кронштадт, и море, и воля.

Егор Иванович помолчал, внимательно глядя на своего ночного непрошенного гостя.

— Вот что, Петр Алексеевич, — сказал он, наконец решительно — поживете у нас пока, но придется схорониться в чуланчике. Тайная канцелярия везде свой нос просунет. За слуг не беспокойтесь. Фекла не говорит ничего с тех пор, как ее десятилетнего сына барин велел запороть за то, что суп ему на колени пролил. Да и не будет она вас выдавать. — Егор Иванович нахмурился, будто вспомнил что-то неприятное. — Евсей тоже не из разговорчивых. Кухарка приходит только по воскресеньям, а так Ксенюшка готовит. А вам высовываться нельзя. Посмотрим, может что и придумаем. — Егор Иванович хлопнул себя по коленям и встал. — Ксенюшка, устрой получше Петра Алексеевича. Утро вечера мудренее.

В чуланчике Ксения Егоровна организовала все замечательно. За стопками книг, которые теперь невольно служили ширмой, на топчане, она постелила две перины и принесла еще одно теплое одеяло. На старый стул постелила кружевную салфетку и поставила свечу в изящном подсвечнике. Принесла маленькое удобное кресло. Постаралась!

Петька, зайдя, улыбнулся.

— Вы, Ксения Егоровна, меня балуете. Я же больше привык на конюшне спать да в людской на лавке.

— Голодны вы, наверное, Петр Алексеевич? — осведомилась девушка.

Петька едва заметно кивнул.

— Я сейчас! — и Ксения Егоровна исчезла за дверью.

Вскоре она явилась с подносом, на котором красовались кусок румяного пирога с грибами и крынка с молоком.

— Вот, сама пекла, — смущенно проронила девушка, поставила на стул рядом со свечой поднос и деликатно удалилась, пожелав Петьке спокойной ночи.

Когда пирог был съеден и молоко выпито, Петр буквально свалился на перины, ощутив невероятное блаженство, будто попал в облако. Он укутался в приятно пахнущее одеяло и спокойный глубокий сон быстро овладел им. Петька даже не услышал, как кто-то зашел к нему в чуланчик. Ксения Егоровна решила зайти. Убедившись, что гость крепко спит, она провела рукой по его черным волосам, а потом робко прикоснулась губами к его высокому лбу. Задув свечу, про которую Петр забыл, она вышла и поднялась к себе.

Глава 8

Утро встретило Петра ароматом кофе. Нездешний манящий запах, так и щекотал ноздри еще сонного беглеца. Он проснулся, дверь в его чулан была приоткрыта. Потянувшись, подумал, «хорошо бы до ветру». Егор Иванович велел не высовываться! Неловко-то как!

В чулан вошла женщина на вид вроде бы и молодая, лет двадцати восьми, но в волосах легли седые пряди, а во взгляде будто застыло мрачное страдание. Она только кивнула Петьке, поставив принесенное ею ведро, в темный угол чулана. Это была Фекла. Выйдя деликатно на какое-то время, она вернулась с кувшином воды и большой лоханью под мышкой и жестом показала беглецу, что она поможет ему умыться.

Фекла без церемоний провела своей ладонью по Петькиному лицу и покачала головой. Он догадался. Суточная щетина выглядит неряшливо. Фекла опять исчезла и вернулась с приборами для бритья. Когда с утренним туалетом было покончено, Фекла удалилась. В доме стояла тишина, через щель между дверью и косяком пробивался серый свет, говорящий, что на

улице идет снег и небо затянуто. Петька взял одну из книг внушительной стопки и, устроившись удобней на перине и подушках, принялся читать. Времени теперь у него много. Пока не проявится с Петькиной дальнейшей судьбой, можно отдохнуть за все годы своего холопского существования.

В руках у него оказался редкий фолиант: Франсуа Фенелон «Приключения Телемака». Петька погрузился в чтение, дабы не обращать внимание на чувство голода, уже одолевшего его.

Когда Богиня Миневра под видом наставника Ментора на разных примерах объясняла Телемаку, сыну Одиссея, обязанности и опасности королевского правления, в чулан вошла Ксения Егоровна с подносом.

— Доброе утро, Петр Алексеевич! — улыбнулась девушка, ставя поднос с завтраком на стул рядом со свечой. — Как почивали? — Петька заметил, как щеки девушки зарделись, когда он посмотрел на нее.

— Великолепно, Ксения Егоровна, — проговорил он, не сводя с нее взгляда. Ему нравилось милое смущение девушки. — Выспался и чувствую себя хорошо. Только неловко, что вам столько хлопот доставил.

— Полноте, какие хлопоты. Вы кофе пьете?

— Не пробовал, Ксения Егоровна, — продолжая из озорства смотреть на нее, признался Петр. Лицо девушки пылало... — Кофе только господу пили, мы больше квас да воду.

Ксения Егоровна налила заморский напиток в изящную фарфоровую чашечку, и сама намазала горячую сдобную булку маслом. Петька принял угощение из ее рук.

— А сами вы, Ксения Егоровна, завтракали? — осведомился Петька, прикладываясь к диковинному напитку. Кофе ему пришелся по вкусу и ароматом, и крепостью.

— Нет, — ее голос немного сорвался, и она откашлялась, прикрывая рот рукой. — Батюшка ушел куда-то рано утром, я его подожду. С вами посижу.

Петро ощущал себя странно. Вчера он был холоп. Спал на конюшне, ел, когда придется. Не минуты покоя, постоянно виноват, чтобы не сделал. Эту ночь он хоть и провел в чулане, но провел ее на мягких перинах, после вкусного и сытного ужина. А утром завтрак ему принесла милая молодая барышня.

— А вы случайно не ведунья, Ксения Егоровна, — улыбнулся Петька, ставя пустую чашку на поднос. — Обещали мне, что все хорошо будет, вот оно и сбылось.

— Где ж сбылось-то, Петр Алексеевич! — она грустно хмыкнула. — Вы в бегах, за вами Тайная канцелярия охотится, а впереди одна неизвестность. — Она поднялась и взяла поднос. — Сейчас я отнесу посуду, вернусь и вы мне о себе расскажете. Согласны, Петр Алексеевич? Время скоротаем.

Петьке понравилось предложение. Его радовала перспектива общения с Ксенией Егоровной, и Петр Алексеевич кивнул в ответ, подумав, что Фенелон может и подождать.

— Матери я своей и не помню, Ксения Егоровна. Мне было два года. Она в поле работала, рожать начала. Да вот кровью вся и изошла. Младенец мертвым родился. А вот отец мой, Алексей Михайлович...

— Надо же какие имена у вас царские, Петр Алексеевич, — перебила его девушка.

Петр только пожал плечами и продолжил:

— Мой отец кузнецом был знатным, на всю губернию славился. Барин наш, покойный Назаров Павел Сергеевич очень его ценил. Вольную ему написал, да вот случилась скверность. Уехал он по надобности в Москву. А барыня наша... Елизавета Захаровна решила зазвать на ночь отца к себе. Мужчиной он был видным. Отец в отказ, а барыня его на следующий день в солдаты. — Петька замолчал, пытался справиться с гадким чувством. — Где это видано! Кузнеца — в солдаты! Вольную нашла у Павла Сергеевича, порвала в клочья. Когда вернулся

барин из Москвы, ему преподнесла Елизавета Захаровна все в черном свете. Сказала, что отец, мол, брошь ее бриллиантовую украл. Павел Сергеевич не поверил. А она истерику закатила. — Петро провел рукой по волосам и покачал головой, будто хотел избавиться от неприятных воспоминаний.

— Петр Алексеевич, — девушка подняла на него глаза, полные слез, — душа на части рвется. Но может вернется еще ваш батюшка, обнимет вас и подивится тому какой у него сын вырос замечательный.

Они посмотрели друг на друга. Беда, нависшая над беглецом, будто растворилась, исчезла. Петька утонул в раскосых серых глазах Ксении Егоровны, в них видел он целый мир, океан доброты и сострадания и в то же время невероятную для нежной девушки отвагу, отвагу золотого сердца.

Вдруг Ксения Егоровна спохватилась. Как-то засуетилась, опять покраснела.

— А ведь мы Давыдовы из крепостных, — сказала девушка, вытирая слезы. Заметив удивление во взгляде Петра, она улыбнулась. — Да, да, Петр Алексеевич! Дед мой Иван Лукич был плотником, попал на воронежскую верфь, где строился флот. Его заметил сам государь Петр Алексеевич, — Ксения Егоровна бросила на Петьку выразительный взгляд, — приблизил к себе. Вольную ему дал, потом и землями одарил, учиться отправил делу корабельному. А батюшка мой с самим Михайло Васильевичем Ломоносовым знакомство свел у Вольфа⁵.

Вдруг Ксения Егоровна встрепенулась.

— Батюшка вернулся!

После завтрака Егор Иванович зашел в чулан. Он уселся в кресло против Петьки и хлопая по коленям, произнес:

— Ну-с, молодой человек, — Егор Иванович потер подбородок, — наделали вы дел! Вас по всему Санкт-Петербургу ищут. Слухи скверные поползли. И...

Договорить ему не дала Фекла. Она вбежала в чулан, размахивая руками и страшно выпячивая глаза. Егор Иванович покачал головой.

— Вот и Тайная канцелярия нагрянула.

Он встал, и покашливая вышел из чулана. Ксения Егоровна не растерялась, схватила Петьку за руку и толкнула его за зиккураты книг. Девушка быстро скрутила постельное белье и этим внушительным свертком прикрыла беглеца. Сама уселась на голом топчане и взяла в руки «Приключения Телемака». Она слышала, как отец разговаривает с поручиком.

«В чем дело, поручик? — Ищем беглого холопа дворянина Назарова. — А причем здесь мой дом? — Простите, господин Давыдов, но Дмитрий Павлович сказал, что он знаком с вами и возможно его холоп мог прийти к вам. — Вот, как! Что ж, поручик! Ваша служба. Обыскивайте!»

Время обыска, казалось, тянулось невероятно долго. Когда солдаты заглянули в чулан, их взору предстала девушка, сидящая на топчане и раскладывающая книги в аккуратные стопки, распределяя их по формату.

Ксения Егоровна с испугом посмотрела на сыщиков. Один из солдат прошел внутрь чулана и огляделся. Он ещё раз бросил взгляд на Ксению Егоровну, которая уже недовольно хмурила брови и направился прочь.

Когда за сыщиками закрылась дверь, Ксения Егоровна обмякла.

В чулан зашел Егор Иванович. Петька, покинув свое убежище, произнес:

— Я подверг вас ужасной опасности. Если бы они обнаружили меня...

⁵ Христиан фон Вольф (нем. Christian von Wolff; 24 января 1679 года)— немецкий учёный-энциклопедист, философ, юрист и математик, один из наиболее заметных философов в период после Лейбница и до Канта, основоположник языка немецкой философии. Учитель М. В. Ломоносова.

— Ну, если бы да кабы, Петр Алексеевич, — перебил его Егор Иванович. — Теперь мы вне подозрений, но надо быть осторожными. И у меня есть одна задумка. Вы, Петр Алексеевич, вроде вместо своего барина в морской академии учились.

— Да, закончил с отличием. Присвоено звание мичмана.

— Вот и славно, Петр Алексеевич, вот и славно!

Егор Иванович даже повеселел и когда поднимался по лестнице, что-то стал напевать.

— Фекла! — послышался его голос уже на втором этаже. — Сделай-ка мне ванну! И чаю! И водочки принеси!

Глава 9

Шхуна «Изумруд» встала на рейде у Багамских островов. Капитан Моран, оставив Перселла на борту корабля за старшего, сама сошла на берег, раздевшись в пух и прах, но все же в мужское платье. Губернатор ждал пиратку к себе на аудиенцию. Грейс, собираясь спуститься по трапу к шлюпке, метнула гневный взгляд на Перси.

— Смотри мне Персиваль, чтобы никаких костей мне! Я крайне, — она сурово кашлянула, — крайне буду удивлена, если шхуна останется в первозданном виде! И, кстати, смот-

рите в оба! Должен прийти этот чертов англичанин Осборн, если не подох по дороге. У него двенадцати пушечный бриг «Гордость королевы», если ты помнишь.

Перселл послал капитанше воздушный поцелуй.

— Я все сделаю, чтобы ты осталась довольной, моя булочка!

Шлюпка Грейс Моран отвалила от борта.

Визит к губернатору Багамских островов, вещь весьма обыденная для капитана Моран, мог затянуться на два или даже три дня. Губернатор обдeldывал свои делишки, пользуясь услугами пиратов. А капитан Моран славилась своим непревзойденным нюхом на авантюры, приносящие в последствии неплохой доход. Это было взаимовыгодное сотрудничество. Губернатор предоставлял остров для укрытия пиратов, те в свою очередь обогащали главу части британского королевства, в обход казны.

Стояла невыносимая жара. Матросы драили палубы, чинили паруса, приводили в порядок и чистили оружие... Обычная работа на корабле, тяжелая. Персиваль, конечно, не утруждал себя, взяв на себя полномочия капитана. Извлекши из кубрика бедного Оливера, который только пришел в себя от нового приступа морской болезни, дал ему в руки скребок.

— Что я должен с этим делать? — мистеру Эшби совсем не хотелось на жаре соскребать грязь с палубы.

— Сынок, — дружески улыбнулся Перселл, — так уж вышло, что ты стал моряком, и для тебя начались суровые будни. Но есть и приятные стороны! Правда, позже! — он засмеялся и вдруг его смех стих. Он вскинул руку с подозрительной трубой и, глядя в нее, осклабилcя. — А вот и наша подмога! Осборн, дорогой, как же мы по тебе соскучились.

Солнце уже перекаатило к закату, но жара не спадала. Бриг «Гордость Королевы» стал борт о борт с «Изумрудом».

Моряки решили освежиться. Они спустили шлюпки меж кораблей на воду и образовали из них круг. Матросы с криками и хохотом плюхались с шлюпок в воду, наслаждаясь прохладой и свежестью моря после изнурительного труда.

Оливер не купался. Во-первых, он не умел плавать, а во-вторых, он панически боялся одного вида синей бездны, рождающего в его воображении нечто чудовищное. К мистеру Эшби подошёл мокрый и довольный Персиваль и с хитрой улыбкой произнес:

— Олли, дружок, тебе не мешает освежиться.

Оливер посмотрел на него, как мог беззаботней. Он надеялся, что моряк шутит.

— Увольте, мистер Перселл, я не любитель п-п-подобных развлечений.

— Ох, Олли, что-то мне подсказывает, что ты боишься, — шутник подмигнул кому-то за спиной мистера Эшби, молодого человека подхватили с двух сторон и бросили за борт. — Это будет твоё крещение! — последнее, что услышал полный ужаса Оливер.

Он сразу пошел ко дну под дикий взрыв хохота.

— Твою ж мать, — слышалось с брига на непонятном морякам языке, — он же тонет! Сучье племя!

Кто-то прыгнул с борта «Гордость королевы». Сильные руки подхватили уже наглотавшегося воды мистера Эшби и вынесли его на поверхность.

Оливер очнулся на борту брига. Над ним склонился загорелый молодой человек, с его длинных черных волос капала вода на лицо несчастного. Когда мистер Эшби открыл глаза, его спаситель мотнул головой и произнес на каком-то странном языке:

— Очнулся, бедолага! С воскрешеньем! Ну и дерьмовые шуточки у твоих друзей!

Черноволосый кинул злобный взгляд в сторону «Изумруда».

— Сэр, — прохрипел Оливер, — Спасибо вам!

— «Фенкью, фенкью», — передразнил его на ломаном английском спаситель Оливера, — таких друзей иметь и врагов не надо, - опять он заговорил на своем непонятном языке.

— Молодец, Питер, — крепкий невысокий человек хлопнул черноволосого по спине. — Надеюсь, этот парень стоит твоего поступка.

Спаситель Оливера встал во весь рост. Высокий, стройный, он медленным движением рук загладил свои мокрые волосы назад и сказал на английском языке с сильным акцентом:

— Знать бы наперед, кто из нас чего стоит... — он протянул руку Оливеру, обратившись к нему, — пойдем, тебе дух перевести нужно. Идти-то можешь?

Оливер поднялся и произнес:

— Да, сэр, конечно!

— «Сэр», — парень усмехнулся, — обопрись на меня, пошли.

Глава 10

Черноволосый молодой человек отвел Оливера вниз в кубрик. Мистер Эшби чуть дышал. Спаситель Оливера, снимая мокрую одежду, одной рукой открыл небольшой сундук. Он извлек оттуда сухую сорочку, и кинул ее мистеру Эшби.

— А к-как же вы, сэр? — спросил спасенный, видя, как черноволосый повесил свою мокрую рубашку на веревку гамака.

— Высохну, — буркнул он.

Оливер не знал, как начать разговор с этим мрачным на вид моряком. Странность — несмотря на неразговорчивость и недружелюбность его спасителя, Оливер испытывал к этому человеку не поддающуюся объяснению симпатию. Он сделал еще одну попытку вовлечь в разговор парня, который уже взлез в свой гамак и прикрыл глаза.

— К-к-как вас зовут, сэр?

— Вот заладил, «сэр-сэр», — пробормотал черноволосый на своем языке, садясь в гамаке. — Питер, Питер Кингли, мичман. Я через два часа заступаю на вахту. Мне нужно выспаться. — Молодой человек говорил по-английски медленно, как будто подбирая слова.

— П-п-простите, мистер Кингли, — попытался улыбнуться Оливер, — я доставляю столько хлопот. Меня зовут Оливер Эшби. Я вам чрезвычайно благодарен за свое спасение.

Взгляд мистера Кингли потеплел. Он протянул руку для пожатия Эшби.

— Вот и познакомились, только давай без твоих этих «мистер» да «сэр».

— Д-давай! — согласился Оливер. — п-прости, меня одолевает любопытство. Ты п-плохо говоришь по-английски и...

Питер лег в гамаке. Он прикрыл глаза и произнес:

— Учил английский на ходу. Я здесь всего полгода. Я - русский.

Оливер до сих пор знал только, что существует такая страна Россия далеко на Севере, что там холодно, что был русский царь Петр, который приезжал в Англию учиться корабельному делу. Вот и все его знания!

— П-прости, П-питер, я мало знаю про т-твою страну.

— Вот и хорошо, — посмотрел на своего собеседника Кингли. Он опять сел в гамаке. — Разумею, ты мне спать не дашь, пока свое любопытство не утолишь. Но так и мне интересно.

— Спрашивай, — с готовностью произнес Оливер.

— Ты как на «Изумруд» попал? Ведь ты не моряк, это сразу видно и хилый ты какой-то. Я знаю кто такая Грейс Моран. Это гром-баба, пиратка! Ей лучше под горячую руку и не попадать! — Питер опять перешел на русский язык. — Черт, как-же мне тебе объяснить? Хреново...

Оливер заслушался. Ему нравилась страсть, с которой его товарищ говорит на родном языке и повторил последнее слово очень мягко и как-то певуче:

— Хре-новоо! Красиво!

Кингли хохотнул.

— «Бьютефул»! Жестче надо говорить, с напором, Оливер! Чтоб душа зазвенела!

Оливер опять повторил и оба молодых человека засмеялись.

Так как первую часть своей эмоциональной тирады, Кингли сказал на языке Оливера, Эшби ответил, все еще улыбаясь:

— Я вынужден был бежать с Ямайки, П-питер. И в Англию мне д-д-дороги нет, вот и пришлось остаться с п-пиратами.

— А почему удрал?

Мистер Эшби вздохнул. Его снова обуяло раздражение от сознания нелепости ситуации, в которой он оказался.

— Мисс Лора к-красивая девушка, она мне нравилась, но я ей был не по вкусу. Она даже не разговаривала со мной, просто мисс Т-томпсон любила п-п-посмеяться. Но ее мать решила меня женить на ней, меня обвинили в изнасиловании. От от-тчаяния я и сбежал.

— Да! Попал, как кур в ощи! — проговорил тихо Питер по-русски и, видя недоуменное лицо товарища, добавил по-английски, — Везунчик!

— А к-какая у тебя история?

Кингли помрачнел. Он опять улегся в гамак.

— Давай спать, Олли! Мне вахту нести.

— П-прости, П-питер! Спи, конечно! — Оливер вдруг вспомнил о своих вещах, оставленных на «Изумруде», он хотел было сказать своему новому товарищу, но передумал.

Питер Кингли будто бы прочел его мысли.

— Завтра поговорю с капитаном. Останешься у нас на борту. Вещи заберем. Если замутит, в углу стоит ведро.

Гамак мерно и убаюкивающе покачивался и мичмана Питера Кингли, - Петьку — одолела дремота, но сон не шел. Разговор с его новым знакомцем воскресил мысли о Ксении Егоровне. Воспоминания травили душу, а осознание того, что он больше не увидит девушки, ставшей для него дороже жизни, сводило его с ума.

После того как ищейки Тайной канцелярии побывали в домике на Аптекарской улице, Егор Иванович стал уходить из дома с раннего утра до позднего вечера, вернувшись, ужинал, а потом запирался в кабинете и что-то писал.

Ксения Егоровна день-деньской пропадала в чуланчике. Молодые люди читали друг другу книги, весело разыгрывая диалоги героев, рассматривали атлас Кириллова, воображая себя путешественниками, а Петька рассказывал смешные истории о курьезных случаях на охоте с Емельяном Захаровичем. Ему нравился звонкий смех Ксении Егоровны и готов был из любого заурядного приключения сотворить забавный рассказ.

Дверь в чулан была приоткрыта и каждые десять минут перед молодыми людьми возникала Фекла, строго смотрела на Петра.

Три дня в жизни беглеца, наполненные радостью, покоем и душевностью словно целебным эликсиром наполнили его израненную душу. Сознывая хрупкость и недолговечность этого счастья, он даже не желал думать, что будет дальше.

Третий день выдался солнечным. Ксения Егоровна и Петька открыли атлас. Девушка, воображая себя путешественником и весело предлагая собеседнику «прогуляться» по уральским горам, так была увлечена, что не заметила на себе пристального взгляда Петра.

Ее милое лицо озарилось полоской света, бившей из приоткрытой двери, упругая девичья грудь в узком лифе робы поднималась и опускалась от ровного дыхания подобно мор-

ской волне. Петька не удержался и нежно прикоснулся губами к ее щеке. Ксения Егоровна не вздрогнула, не возмутилась. Только потупилась. Петька заметил, как загорелись ее щеки.

— Почему вы это сделали, Петр Алексеевич, — тихо спросила она.

И вдруг повернула голову и посмотрела на него.

— Простите, Ксения Егоровна, — проговорил он, но глаза не опустил, — я оскорбил вас? Губы девушки слегка тронула улыбка.

— Помните, как у Лопе де Вега, Петр Алексеевич? «Любовью оскорбить нельзя!»

Петр хотел ответить Ксении, но в дверях опять показалась Фекла. Она уже не глядела сурово, женщина жестами показала, что к дому подходит Егор Иванович.

Профессор Давыдов Егор Иванович воспользовался своими связями и положением друга самого Ломоносова. Он справил паспорт для Петьки на имя мичмана Питера Кингли. Договорился с капитаном брига «Гордость Королевы», судна весьма сомнительного, но по крайней мере менее опасного, чем Тайная канцелярия. Вольную получить для Петьки стало делом пока невозможным, но Давыдов не терял надежды. Сам Ломоносов обещал пособить. Егор Иванович принес одежду для Петьки и велел собираться. На рассвете бриг покидает Санкт-Петербург.

Егор Иванович должен был встретить Петьку на пристани. Молодые люди прощались у черного входа. Ксения, силясь улыбнуться, протянула было Петьке руку. Но потом медленно подошла к нему и уткнулась головой в его грудь. Он едва подавил желание обнять девушку.

— Петр Алексеевич, неужели мы больше не увидимся?

Захлестнуло Петьку отчаяние. Не стал крепиться. Прижал Ксению к себе со всей страстью.

— Ты же у меня ведунья, голубка моя, Ксюша! — прошептал он, сердце бешено колотилось и сжималось от боли одновременно.

— Как ласково-то, Петрушенька...

Вдруг разжал он объятия, покачал головой:

— Зачем же все так вышло, ведь беглый я! Дурак! Забудьте меня, Ксения Егоровна!

Петька взял ее за руки. Последний раз посмотрел в раскосые серые глаза, нахлобучил треуголку и вышел.

Гамак мерно раскачивался, и Петька уже дремал и виделась ему полоска света на милой щечке и сердце ныло невозможно.

Глава 11

Проход через мыс Горн стал для Оливера не просто испытанием. Возможно, если ад существует, как думал молодой Эшби, то он должен выглядеть именно так. Огромные волны, пронизывающий западный ветер, сбивающий с ног бывалых моряков, серая мгла вместо неба.

Единственным счастливым обстоятельством Оливер считал то, что он теперь являлся частью экипажа брига «Гордость королевы». Правда, капитан Осборн, оглядев его с ног до головы оценивающим взглядом, никак не мог понять, чем может быть полезен этот худосочный, не ведающий морского ремесла юноша.

— На что мне этот балласт, Кингли, — ответил он Питеру на просьбу оставить мистера Эшби на борту.

— Парень он жилистый, — возразил его мичман, — остальному я его научу. — Питер хмыкнул.

— Дело твое, Кингли, — согласился капитан, — я с ним возиться не стану.

Пока шли вдоль восточного побережья Южной Америки, Петька учил Оливера вязать узлы, отличать *ванты*, *фордуны* и *штаги* ⁶от *фалов*, *брасов*, *галсов* ⁷и прочего. И к мысу Горн мистер Эшби вполне сносно разбирался в названиях парусов, добирался по выбленкам до марса-рея⁸ без паники и не путал грот-стенгу с фор-стенгой.⁹

Внешне Оливер тоже изменился. Он окреп, его мышцы налились силой, кожа, получив добрые порции солнечного света, стала отливать бронзой, и зеленые глаза, раньше казавшиеся бесцветными, теперь выгодно выделялись на загорелом лице.

Петр и Оливер очень привязались друг к другу. Их сблизило положение изгоев. Оба неразговорчивы, причиной чего были плохое знание английского языка Петьки и заикание Оливера. Оливеру нравилась грубая честность его русского друга, а в мистере Эшби Петр нашел искреннего и верного товарища.

Бриг «Гордость королевы» и шхуна «Изумруд» зашли в небольшую бухту у северо-западной оконечности побережья Перу на закате. На совете, состоявшемся на шхуне, решили разведать обстановку. Вызвался Питер Кингли:

— Я пойду!

Грейс посмотрела на молодого моряка, пыхнув трубкой. Она давно присматривалась к красивому мичману из команды Осборна. Ей нравилось его мастерство моряка, его неразговорчивость и решительность. И капитан Моран строила планы, как переманить Питера Кингли в свою команду.

— Валяй, Кингли! — согласилась Грейс. Она руководила всем предприятием, у нее были все сведения и карта. — Есть у испанцев одна задумка. Два корабля у них для отвода глаз, а вот третьи загрузят серебром и храмовыми сокровищами. Так что не подведи! У нас не будет времени на ошибку. Ты один пойдешь?

— Да, — ответил Питер, надевая треуголку и засовывая за пояс два пистолета.

— Я п-п-пойду тоже, — пираты с удивлением переглянулись. Голос подал бывший доходяга Оливер Эшби.

⁶ *Ванты, фордуны и штаги*-снасти стоячего такелаж

⁷ *Фалы, брасы, галсы*-снасти бегущего такелаж

⁸ *Марс-рей* - второй снизу рей на мачте, к которому привязывается марсель

⁹ *Стеньга* — часть судового рангоута, служащая продолжением верхнего конца мачты. Стеньги присоединяются к топу нижней мачты при помощи стень-эзельгофтов, опираясь на шлагетовы, лежащие на саллингах марсов. Раскрепляются стеньги стень-вантами, стень-фордунами, стень-штагами и стень-бакиштагами. Грот и Фок — мачты.

Только сейчас Грейс заметила, как изменился неприметный юноша. Его когда-то сутулые плечи развернулись, а во взгляде появилась уверенность и вызов. «А он красавчик!» — подумала капитан Моран.

— Вот еще! — возразил Питер, — я и один справлюсь.

— Одному идти опасно, П-п-питер, — настойчиво возразил Эшби, — ты от меня не от-отвяжешься.

Грейс и Осборн переводили взгляд от одного упряма к другому.

— Вот что, детишки, — рявкнула она, — мое решение, пойдете оба!

Петька сердито взглянул на Оливера.

Кингли и Эшби погрузились в шлюпку. Оливер молча показал Петьке на небольшой грот, где можно оставить лодку.

— Глазастый! — буркнул Питер. — Не зря напросился.

Берег, скалистый и высокий, казался неприступным. Моряки, пройдя по воде немного, стали взбираться наверх. Вскоре они увидели мачты испанских кораблей, на пристани происходило активное движение. Питер и Оливер расположились на плоской скале, прекрасно подходящей для наблюдательного пункта.

— Смотри, Питер, — Оливер показал на группу испанских моряков, которые при свете факелов катили большие бочки к галеону. Одна из них выскользнула из рук грузчиков и плюхнулась в воду. — Там явно не серебро. Очень уж они спокойно отнеслись к ее потере.

В бухте стоял галеон, 28-пушечный фрегат и 24-пушечный бриг. На все суда моряки грузили бочки и ящики.

— Вот что, Олли! — прошептал Петька, и его глаза блеснули азартом. — Я подойду ближе, ты остаешься здесь.

— Ты с ума с-с-сошел! — не поверил своим ушам Эшби. — Что ты с-с-собираешься делать?

— Помогу ребятам с погрузкой, — блеснул белозубым оскалом Петька. — Авось не подведет! — и моряк исчез в темноте.

Оливер наблюдал со страхом за своим другом. Питер сначала исчез из виду, но потом удивлению Оливера не было предела. Петька, вероятно оглушив одного из испанцев, уже в мундире несчастного, нес большой ящик, который казался очень тяжелым.

— Что это у него за «Авось» т-т-такой! Он с-сумасшедший!

Работа у испанцев кипела и к рассвету все три корабля были готовы к отплытию. Безмятежная обстановка, мерное шуршание волн и предрассветный бриз убаюкали бедного Оливера. Он задремал, как не старался противостоять малодушному желанию поспать. Он очнулся от того, что рядом с ним кто-то тяжело плюхнулся.

Уже забрезжил рассвет и Оливер, протирая глаза, заметил совершенно довольную мину Питера.

— Серебро на бриге, — произнес Петька, отхлебывая из фляги воду.

— Черт, П-п-питер, — сам не свой от изумления произнес Оливер. — Ты с-с-сумасшедший!

Петька хмыкнул.

— Возвращаемся на «Изумруд».

Пираты, подобные волчьей стае, бросились в погоню. Их легкие и быстроходные суда настигли без труда груженные корабли испанцев. Пока тяжелые галеон и фрегат разворачивались для маневра, бриг уже был «отбит». Команда «Изумруда» пошла на abordаж, «Гордость королевы» прикрывала атаку пиратов артиллерией. Когда испанцев загнали на корму, к штур-

валу встал Питер Кингли. Он привел испанский бриг в крутой бакштаг¹⁰. Артиллерия с «Изумруда» в помощь «Гордости королевы» произвела залп всего правого борта.

Галеон и фрегат сделали попытку догнать пиратов с похищенным флибустьерами бригом, трюмы которого были набиты серебром и древними сокровищами. Они сделали попытку...

Глава 12

Испанский бриг требовал ремонта, и пираты решили дойти до Галапагосских островов. К тому же необходимо пополнить запасы воды и еды.

Испанцев Моран пощадила, дав им две шлюпки, и отправила бороздить океан. Матросов команд «Гордости королевы» и «Изумруда» разделили на три корабля, чтобы моряки смогли довести захваченный бриг до ближайшей земли. Требовался капитан и она сделала свой выбор.

— Ты нас всех удивил, Кингли, — щурясь от дыма своей трубки, обратилась Грейс Моран к Петру. — Прекрасно проведена разведка, а потом твой маневр в море ...— Моран в восхищении, не зная, что сказать, покачала головой.

— Ему п-п-помогал его бог, — вмешался Оливер, капитан Моран мазнула по юноше плотоядным взглядом.

Петька хмыкнул. Его сейчас занимала мысль о будущем обретения своего собственного корабля и разговор о заслугах сего дня Петьку уже не волновал. «А не так уж и плохо! Разбойником, так разбойником! Уж точно лучше, чем холопом».

Испанский бриг ему понравился. Отличные ходовые качества и маневренность.

В бою выстрелом с галеона на бриге была повреждена фок-мачта, да и грот-брам-стенга держалась на «честном слове» и теперь малым ходом необходимо добраться до Галапагоса. До отплытия капитан Моран собрала всех на «Изумруде».

— Итак, джентльмены, — раздавался ее звучный густой голос, — мы отлично поработали. У нас есть добыча, корабль и претендент на должность капитана нового судна. Голосую — Кингли в капитаны!

¹⁰ Бакштаг (нидерл. *bakstag*) — курс, образующий с направлением ветра угол больше 8, но меньше 16 румбов, то есть ветер по отношению к кораблю дует сзади-сбоку. Выделяют курс полный бакштаг, при котором угол превышает 135° градусов, то есть приближающийся к фордевинду, и крутой бакштаг (менее 135°). Парус устанавливается под углом к ветру. Обычно на этом курсе парусное судно развивает наивысшую скорость. В бакштаг парус работает с большим углом атаки, при котором давление ветра играет основную роль в создании тяги паруса. Сила дрейфа практически отсутствует.

Персиваль Перселл и капитан Осборн переглянулись. Осборн не хотел терять отличного матроса и мичмана, а Перселл заволновался от предпочтения своей супруги. В глубине души, он надеялся получить бриг под свою команду. Персиваль с надеждой оглядывал матросов. Тщетно!

Со всех сторон слышались возгласы:

— Кингли в капитаны! Кингли в капитаны! Кингли в капитаны!

Так при общем собрании флибустьеров и единогласном решении их, Питер Кингли или Петька-цыган, холоп дворянина Назарова стал командиром 24-пушечного брига.

Капитан Осборн подошел к своему бывшему мичману и пожал ему руку.

— Прими мои поздравления Кингли! Не зря мне золотом заплатили, чтобы я взял тебя на борт. — Осборн улыбнулся, показывая свои желтые зубы. — Доходягу к себе возьмешь?

— Эшби? — Петька посмотрел на своего подопечного, — конечно!

— Ну, ты его выловил, ты с ним и нянькайся. Удачи тебе, капитан Кингли.

Ремонту стало достаточно. Моряки работали несколько дней без отдыха. Корабли были отремонтированы и готовились к новому походу через мыс Горн. Оливер заскучал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.